

Изъ дневника Французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II.

I.

Въ августѣ 1775 года въ Москву прибылъ только-что назначенный королемъ Людовикомъ XVI ко двору императрицы Екатерины II представитель Франціи, маркизь Жюинье. Въмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и новый секретарь посольства, молодой шевалье Корберонъ.

Извѣстно, что при Людовикѣ XV, особенно же въ то время, когда во главѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ находился Шуазель, отношенія между Франціею и Екатериной II были очень натянуты. Когда въ Петербургѣ подготавлился переворотъ 1762 года, завершившійся вступленіемъ этой императрицы на престолъ, французскій представитель баронъ Бретейль не сумѣлъ предугадать событія; онъ довольно неделикатно отклонилъ просьбу тогдашней великой княгини о ссудѣ денегъ, въ которыхъ она нуждалась для осуществленія своихъ замысловъ, и поселилъ въ ней враждебность сперва лично къ нему самому, а потомъ и къ Франціи. Къ тому же, и французская политика въ Петербургѣ направлена была въ то время къ тому, чтобы устранить Россію отъ всякаго участія въ европейскихъ дѣлахъ, что не могло не быть понято петербургскимъ кабинетомъ. Соотвѣтственно такой цѣли, инструкціи представителей французскаго короля сводились въ ту пору къ тому, чтобы точнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ внутреннимъ состояніемъ Россіи, втайнѣ способствовать усиленію въ ней соперничества партій въ видахъ ослабленія власти императрицы, оградить отъ ея честолюбивыхъ замысловъ дружественныя Франціи Польшу, Швецію и Турцію и до-

могаться упроченія лишь торговых сношеній между Франціей и Россіей. Екатерина II, съ своей стороны, конечно, тоже дѣйствовала во всемъ противно французскимъ интересамъ и, притомъ, съ полнымъ успѣхомъ. Отношенія между обѣими державами были настолько нехороши, что передъ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI Франція держала въ Петербургѣ не посланниковъ, а лишь повѣренныхъ въ дѣлахъ.

Съ воцареніемъ Людовика XVI, назначившаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Вержена, французской политикѣ по отношенію къ Россіи рѣшено было дать совсѣмъ другое направленіе: принявъ совершившіяся факты, Франція вознамѣрилась исправить надѣланныя ей дипломатіей ошибки, примириться съ Россіей и установить съ нею добрыя отношенія. Отправленный въ Петербургъ, въ качествѣ посланника, Дюранъ началъ дѣйствовать осмотрительнѣе и умнѣе своихъ предшественниковъ, но все еще казался французскому правительству недостаточно отвѣчающимъ новой политической задачѣ, тѣмъ болѣе, что ему не удалось вызвать довѣріе къ себѣ со стороны Екатерины II. Поэтому его замѣнили маркизомъ Жюинье.

Миссією этого новаго представителя Людовика XVI было уяснить русской императрицѣ, что до сихъ поръ она своею политикой только способствовала увеличенію могущества Пруссіи, особенно допущеніемъ ея къ раздѣлу Польши, и что слѣдовательно для нея будетъ выгодно сблизиться съ версальскимъ и вѣнскимъ дворами. вмѣстѣ съ тѣмъ, маркизу Жюинье было внушено, чтобы онъ постарался снискать расположение Потемкина, охладить пристрастіе графа Панина къ союзу съ Пруссіей и оказать Австріи содѣйствіе въ ея борьбѣ въ Петербургѣ противъ вліянія Фридриха II.

Обо всѣхъ этихъ общезвѣстныхъ фактахъ мы напоминаемъ здѣсь вкратцѣ лишь для того, чтобы указать на серьезность задачи, возложенной французскимъ дворомъ на Жюинье, которому и удалось въ значительной степени выполнить ее. Но черезъ два года Жюинье, по разстроенному здоровью, вынужденъ былъ покинуть Петербургъ; уѣзжая, онъ передалъ продолженіе своей дѣятельности въ указанномъ направленіи своему секретарю Корберону, котораго оставилъ въ 1777 г. при петербургскомъ дворѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи.

Молодой шевалье (впослѣдствіи баронъ) Корберонъ былъ довольно типическимъ представителемъ французской молодежи высшаго круга тогдашняго времени; по крайней мѣрѣ такимъ онъ сказывается въ своемъ дневникѣ ¹⁾, выдержки изъ котораго приведены нами ниже.

¹⁾ „Un diplomate français à la cour de Catherine II. — Journal intime du chevalier de Corberon“. Publié par L. H. Labande. Paris. 1901.

Бойкій свѣтскій собесѣдникъ, повѣса съ весьма легкимъ взглядомъ на женщинъ, ловкій танцоръ, отчасти поклонникъ энциклопедистовъ, склонный повтому и себя причислять къ философамъ, франмасонъ, но и расчетливый карьеристъ, ради служебной карьеры отказавшійся отъ брака съ любимую дѣвушкой—таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, этотъ молодой дипломатъ, успѣвшій въ короткое время приобрести множество знакомствъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ. Всѣ наблюденія свои онъ изо-дня-въ-день заносилъ въ дневникъ, аккуратно веденный имъ въ теченіе всего пятилѣтняго пребыванія (съ 1775 до 1780 г.) при русскомъ дворѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Корберонъ всего меньше говоритъ въ своихъ запискахъ о дѣловой сторонѣ своей дѣятельности: дневникъ переполненъ преимущественно записями о личныхъ впечатлѣніяхъ автора, о видѣнномъ и слышанномъ въ придворномъ кругу, и потому любопытенъ, скорѣе, лишь съ анекдотической стороны. Тѣмъ не менѣе, въ пестрыхъ отрывочныхъ записяхъ Корберона попадаются мѣстами черты, до нѣкоторой степени обрисовывающія тѣхъ или другихъ лицъ и придворные нравы екатерининской эпохи.

II.

Въ ту пору среди иностранныхъ дипломатовъ существовало мнѣніе, быть можетъ нелишнее нѣкотораго основанія, что вести съ успѣхомъ дипломатическіе переговоры въ Петербургѣ чрезвычайно трудно. Причиною тому были отчасти несполнѣ еще установившееся во внутреннихъ дѣлахъ Россіи равновѣсіе, отчасти барская лѣньность вельможъ, завѣдывавшихъ государственными дѣлами, особенно Панина и Потемкина. Правильному ходу переговоровъ препятствовали также стремленіе сановниковъ постоянно принаравливать къ измѣнчивому настроенію императрицы, интриги между государственными людьми, взаимные происки между лицами, помогавшимися положенія «случайныхъ людей», тѣми, которые утратили это положеніе, и тѣми, которые занимали его въ данное время. Британскій посолъ Гаррисъ писалъ въ маѣ 1778 года: «Надо обладать сверхчеловѣческимъ терпѣніемъ, чтобы вести дѣла съ людьми, на столько лѣнливыми и неспособными ни выслушать вопроса, ни дать разсудительный отвѣтъ. Вы едва-ли повѣрите, что графъ Панинъ посвящаетъ дѣловымъ занятіямъ всего по полчаса въ день». Въ томъ же году и Корберонъ, успѣвшій уже къ тому времени достаточно ознакомиться съ петербургскими порядками, писалъ почти то же своему правительству въ депешѣ

отъ 9-го апрѣля. «Графъ Панинъ—отзывался онъ—слабъ, какъ и всѣ лица этого двора, держащіяся милостью; довѣріе, которымъ онъ пользуется, бываетъ иногда бесполезно. По натурѣ онъ чувствененъ, а изъ системы и по привычкѣ лѣнивѣцъ. Слово «нѣтъ» ему неизвѣстно, но обѣщанія свои онъ исполняетъ рѣдко, и если съ его стороны, по видимому, лишь изрѣдка встрѣчаешь въ чемъ-нибудь отпоръ, зато и подаваемыя имъ надежды почти никогда не сбываются. Къ числу чертъ его характера принадлежитъ и хитрость—та хитрость, которая состоитъ въ томъ, что онъ окружаетъ васъ внимательностью и тысячами любезностей, заставляющими человѣка, бесѣдующаго съ нимъ о дѣлахъ, забывать, что онъ говоритъ съ главнымъ министромъ императрицы; а этимъ онъ отвлекаетъ собесѣдника отъ предмета его миссіи и сбиваетъ его съ серьезнаго тона, котораго слѣдовало бы ему держать среди увлекательной и опасной бесѣды». Далѣе Корберонъ прибавляетъ: «Скажутъ: какъ же управляется это государство? Какъ можетъ оно держаться? Я почти готовъ отвѣтить, что оно управляется случаемъ и держится естественнымъ равновѣсіемъ, подобно тѣмъ огромнымъ массамъ, которымъ сама ихъ тяжесть даетъ устойчивость».

Если прибавить, что впоследствии (въ 1779 г.) Корберону стало извѣстно о подкупахъ, на которые не жалѣлъ денегъ британскій посолъ Гаррасъ, располагавшій для этого отъ сентъ-жемскаго кабинета кредитомъ въ 36,000 ф. стерл., то не трудно будетъ угадать, какое мнѣніе могъ составить себѣ французскій дипломатъ о русскихъ сановникахъ. Тѣмъ не менѣе, собственно общество высшаго петербургскаго круга оставило въ немъ вообще очень пріятное впечатлѣніе, хотя онъ и называлъ нашихъ аристократовъ «людьми, которые носятъ прѣкрасные рукавички, а ходятъ безъ бѣлья».

Въ сущности, вращаясь среди русской аристократіи того времени. Корберонъ долженъ былъ чувствовать себя почти такъ же, какъ въ Парижѣ или Версалѣ. И тамъ, и въ Петербургѣ онъ слышалъ ту же французскую рѣчь, находилъ почти однѣ и тѣ же моды и общественныя привычки; смотрѣлъ тѣ же театральныя пьесы; даже книги читались въ Петербургѣ такія же, какъ въ Парижѣ. Этимъ объясняется та легкость, съ которою онъ освоился съ петербургскимъ обществомъ и преимущественно съ дамами, въ кругу которыхъ онъ, по видимому, приобрѣлъ общее расположеніе.

Въ Москву Корберонъ прибылъ въ первой половинѣ августа 1775 г. Въ ожиданіи, пока маркизъ Жюинье будетъ представленъ императрицѣ (что состоялось черезъ двѣ недѣли по его пріѣздѣ), посольскій секретарь осматривалъ Москву и приглядывался къ новой для него обстановкѣ. Прежде всего онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ Москвѣ очень мало общественныхъ развлеченій, и, между прочимъ, описываетъ

какой-то большой увеселительный садъ, который называетъ «вокзаломъ». По его словамъ, садъ этотъ принадлежалъ нѣкому вельможѣ, сдавшему его въ аренду предпринимателю. Вечеромъ садъ освѣщался фонариками и шкаликами; въ находившемся при немъ большомъ домѣ происходили танцы; за входъ взималось по рублю. Весьма понравился Корберону Воспитательный домъ (основанный Бецкимъ въ 1763 г.), о которомъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Господствующій здѣсь порядокъ, вѣжливость дѣтей и проч. доставили мнѣ большое удовольствіе. Думаю осмотрѣть потомъ этотъ домъ во всѣхъ подробностяхъ».

Впослѣдствіи онъ снова посѣтилъ это учрежденіе, причемъ былъ нѣсколько озадаченъ балетомъ, который исполненъ былъ призрѣваемыми дѣтьми обоого пола. «Балетъ—записалъ Корберонъ—исполненъ былъ какъ нельзя лучше; но, быть можетъ, спросать, съ какою цѣлью обучаютъ бѣдныхъ сиротъ танцамъ? Этотъ вопросъ задалъ себѣ и я, но отвѣта на него не нашелъ».

Собственно въ придворную сферу Корберонъ вступилъ съ того дня, когда вице-камереръ графъ Остерманъ (Ив. Андр.) представилъ маркиза Жюинье и его самого императрицѣ. «Государыня эта—записалъ тогда же секретарь французскаго посольства—имѣетъ въ высшей степени величественный видъ и въ выраженіи ея лица благородство слито съ любезностью». Таково было его первое впечатлѣніе; позднѣе, ближе присмотрѣвшись къ императрицѣ, Корберонъ составилъ себѣ о ней слѣдующее сужденіе, выраженное имъ въ одной изъ депешъ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Вержану: «Мнѣ кажется, Екатерина II—быть можетъ, скорѣе умная женщина, чѣмъ великая государыня—уловила характеръ народа, которымъ она правитъ. Эта изумительная государыня, законодательница и воительница, однако всегда остающаяся женщиной, представляетъ собою неслыханное и непослѣдовательное сочетаніе мужества и слабости, познаній и неспособности, твердости и нерѣшимости».

Вслѣдъ за представленіемъ императрицѣ, начались знакомства Корберона съ русскою знатью. Маркизь Жюинье познакомилъ его, прежде всего, съ дамами: престарѣлою графиней Румянцовой (матерью фельд-маршала), графинями Чернышевыми и со всѣми фрейлинами (которыхъ — сказать кстати—французскій дипломатъ именуетъ въ своемъ дневникѣ, по звукоподражанію, «les frêles»). Затѣмъ послѣдовало представленіе великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ. «Великій князь—отмѣтилъ у себя Корберонъ — малъ ростомъ, худощавъ и лицомъ довольно красивъ. Держится онъ по-дѣтски и имѣетъ пока видъ молодого человѣка, очень желающаго держать себя соотвѣтственно наставленіямъ своего танцовальнаго учителя». Великаго князя Корберонъ увидѣлъ впервые на придворномъ балу, который имъ же былъ и открытъ.

Корберонъ, принявшій участіе въ танцахъ, не упустилъ записать объ этомъ такъ: «Я танцовалъ съ прехорошенькими фрейлинами Бибиковой и Бутурлиной. Всѣхъ фрейлинъ двѣнадцать или пятнадцать; онѣ живутъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ посѣщать ихъ нельзя съ тѣхъ поръ, какъ у одной изъ нихъ родился ребенокъ отъ одного изъ англійскихъ посланниковъ. Жалованья имъ полагаются по двѣ тысячи рублей, а при выходѣ замужъ императрица жалуетъ каждой 20 тысячъ въ приданое».

Такого рода записи, основанныя на свѣдѣніяхъ, неизвѣстно откуда почерпнутыхъ, встрѣчаются въ дневникѣ секретаря посольства довольно часто и, до извѣстной степени, свидѣлствуютъ о злоязычій, господствовавшемъ въ окружавшемъ его обществѣ. Вообще въ своемъ дневникѣ Корберонъ отводитъ много мѣста всякимъ пересудамъ и слухамъ, ходившимъ въ его время въ придворныхъ кружкахъ, а мимоходомъ дѣлаетъ отмѣтки и объ отдѣльныхъ лицахъ, съ которыми ему доводилось входить въ сношенія. Отмѣтки эти почти всегда кратки, но иногда въ двухъ-трехъ словахъ довольно ярко передаютъ впечатлѣніе, произведенное на французскаго дипломата тѣмъ или другимъ лицомъ. Такъ, напримѣръ, говоря о сенаторѣ графѣ Анд. Петр. Шуваловѣ, онъ пишетъ: «Это довольно странный человекъ: характеръ его настолько своеобразенъ, что дружественныя отношенія съ нимъ представляются очень непрочными. Сегодня вы ему другъ, а завтра дѣлаетесь чужимъ». Въ этихъ словахъ удачно схвачена общая многимъ русскимъ барамъ добраго стараго времени черта: быстрая смѣна отношеній къ лицамъ, въ которыхъ не предстояло личной надобности. Двумя словами очерчиваетъ онъ и графа Ив. Григ. Чернышева въ одной изъ своихъ записей: «Сегодня я обѣдалъ у графа Ивана Чернышева и едва не погибъ отъ отчаянія. Жена его глупа, онъ же не глупъ, но хуже того: это царедворецъ въ полномъ смыслѣ слова, и въ домѣ у него господствуетъ величайшая натянутость». Во всякомъ случаѣ, характеристикамъ, которыя Корберонъ дѣлаетъ разнымъ лицамъ, свойственны рѣшительность и опредѣленность, а иногда и вѣрность. Такъ, о любимцѣ Екатерины II, Григ. Григ. Орловѣ, онъ записалъ: «Изъ друзей императрицы, быть можетъ, одинъ только Орловъ имѣлъ силу давать ей смѣлые и достойные уваженія совѣты; но, будучи увлеченъ свойственнымъ рабству эгоизмомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ жить только для себя. Притомъ, не имѣя никакихъ познаній по части управленія, онъ остался въ свойственномъ его родинѣ состояніи невѣжества и сталъ совершенно бесполезнымъ для государства». Въ такой оцѣнкѣ Корберонъ сходится съ отзывомъ объ Орловѣ французскаго посланника Дюрана, высказавшагося, впрочемъ, съ болѣею рѣзкостью: «Природа сдѣлала его не болѣе, какъ русскимъ мужикомъ; такимъ онъ и останется до конца. Онъ развлекается всякимъ вздоромъ; душа у него такова же, каковы и его вкусы.

Любви онъ отдается такъ же, какъ ѣдѣ, и одинаково удовлетворяется какъ калмычкою или финкою, такъ и самую хорошенькою придворною дамою. Это прямо бурлакъ». Въ сочувственномъ тонѣ очерчиваетъ Корберонъ князя Ивана Трубецкаго (незаконнымъ сыномъ котораго — отъ графини Вреде — считаютъ Ив. Ив. Бецкаго); о немъ онъ говоритъ: «Это простакъ; онъ ни гордецъ, ни царедворецъ, ни кабинетный, ни свѣтскій человѣкъ; живетъ ради того, чтобы жить, и больше ничего. Внѣшность его достаточно показываетъ, каковъ онъ есть: онъ толстъ, съ большимъ животомъ и заурядною физиономіей, одѣвается просто, а волосы заплетаетъ въ небольшую косичку, болтающуюся на его широкой спинѣ. Сзади его можно принять за нормандскаго мелкаго помѣщика, но когда онъ обернется, то по андреевской лентѣ видишь, что это русскій вельможа. Можно бы пожелать, чтобы всѣ походили на него, потому что онъ чистосердеченъ, честенъ и милъ въ обращеніи».

Записывая впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ знакомства съ столичною жизнью, Корберонъ обратилъ вниманіе на различіе, замѣченное имъ между московскими и петербургскими нравами. «Въ Москвѣ — пишутъ онъ — гораздо явственнѣе виденъ національный характеръ; въ Петербургѣ же жители, перемѣшанные со множествомъ иностранцевъ, меньше заботятся о томъ, чтобы быть самими собою; я нахожу, что здѣсь они болѣе легковѣсны, потому что развлечены новыми для нихъ предметами. Въ сущности, въ нихъ всегда встрѣчается то же лукавство, тотъ же личный интересъ и та ловкость рабства, которая старается выпутываться изъ бѣды скорѣе путемъ инстинкта, чѣмъ разсудка». Поразила Корберона также и та огромная разница, которая существовала между русскимъ образованнымъ классомъ и простонародьемъ. Послѣ одной изъ своихъ прогулокъ въ Екатерингофъ, гдѣ въ то время часто устраивались гулянья, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Публики было много; была масса экипажей и толпы народа. Эти рабы, эти мужики, которые представляютъ здѣсь собою то, что въ другихъ странахъ называется народомъ, составляютъ поразительный контрастъ съ воспитанною частью общества. Съ одной стороны, видишь почти такую же роскошь, какъ въ Парижѣ, ту же свободную манеру держать себя у живущихъ въ этой столицѣ людей и ихъ богатство; съ другой — толпы грубыхъ крестьянъ пляшутъ и распѣваютъ тѣ же пѣсни, какія поются извозчиками на большихъ дорогахъ этого царства. Это сопоставленіе цивилизаціи и варварства всегда поражаетъ иностранца: такъ и кажется, будто тутъ сошлись двѣ различныя націи на одной и той же почвѣ; зритель чувствуетъ себя присутствующимъ одновременно и въ XIV, и въ XVIII вѣкахъ».

Ш.

Дневникъ Корберона изобилуетъ описаніями различныхъ празднествъ, баловъ, спектаклей и маскарадовъ при дворѣ и въ петербургскихъ аристократическихъ домахъ. Перечень всѣхъ этихъ увеселеній такъ длиненъ, что по немъ можно судить о томъ, какъ шумно жила въ то время столичная знать. Французскій дипломатъ зорко слѣдилъ и за частыми переменами, происходившими въ отношеніяхъ императрицы къ лицамъ, взысканнымъ ея особеннымъ личнымъ расположеніемъ. Григорій Орловъ, Потемкинъ, Завадовскій, Зоричъ и др. естественно привлекали къ себѣ вниманіе Корберона и онъ съ жадностью ловилъ всякаго рода свѣдѣнія, относившіяся до интимной стороны придворнаго быта. Въ концѣ марта 1776 г. мы находимъ въ его дневникѣ слѣдующую записъ: «Сегодня утромъ посѣтилъ меня Пикте, женевецъ родомъ и бывший адвокатъ въ Женевѣ. Наружность этого человѣка мало привлекательна: черты лица рѣзкія, выраженіе мрачное, ростъ гигантскій. Онъ живетъ здѣсь уже лѣтъ пятнадцать и состоялъ при князѣ Григоріѣ Орловѣ въ то время, когда князь находился въ милости; это дало ему возможность хорошо узнать эту страну, управленію которою онъ отчасти даже содѣйствовалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близко наблюдать событія, вслѣдствіе чего онъ хорошо освѣдомленъ по части анекдотической исторіи Россіи». «Эта нація — пишетъ Корберонъ со словъ Пикте—считаетъ себя одною изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ; у нея въдесятеро больше земли, чѣмъ у насъ, и, если считать земли, годныя подъ обработку и заселеніе, Россія могла бы имѣть сто милліоновъ жителей; но у нея ихъ только 17 милліоновъ. Еслибы этому народу рабовъ была дана свобода, еслибы за нимъ была признана и охраняема закономъ собственность, еслибы у народа были опредѣленные понятія о торговлѣ и внутреннемъ обращеніи, то онъ могъ бы достигнуть блестящаго положенія, отъ котораго онъ такъ же далекъ, какъ отъ 2440 года. Пикте составилъ записки, которыя могли бы принести русскому народу пользу, еслибы князь Орловъ остался во главѣ дѣлъ и имѣлъ побольше порядка въ мысляхъ. Пикте объѣздилъ и осмотрѣлъ берега Волги, на которой грузятся для перевозки соли, руды и проч. большія баржи въ тысячу тоннъ. Баржи эти требуютъ очень многочисленнаго и потому очень дорогого экипажа; дороговизна эта неизбежна, потому что суда приходится тянуть лямкою, что замедляетъ ихъ движеніе и вызываетъ необходимость найма болѣе значительнаго числа людей. Вдоль береговъ рѣки надо было бы устроить дорогу, по которой могли бы тянуть суда лошади или быки; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы обезопасить путь отъ разбойниковъ, расположивъ на немъ

«сколько-нибудь войскъ. Тогда товары стали бы не такъ дороги, или, точнѣе, туземные продукты обходились бы дешевле привозныхъ изъ чужихъ странъ, какъ, напримѣръ, изъ Швеціи и Америки. Но правительство не хочетъ уяснить себѣ всѣхъ этихъ выгодъ».

Характеръ разсказовъ Пикте даетъ поводъ подозрѣвать его къ принадлежности къ столь многочисленному въ то время въ обѣихъ русскихъ столицахъ классу искателей приключеній изъ иностранцевъ. Это не мѣшало, однако, Корберону внимательно выслушивать и потомъ записывать повѣствованія этого человѣка. Въ числѣ другихъ разсказовъ послѣдняго, онъ записалъ и слѣдующій: въ годъ коронаванія императрицы, она, будто бы, посѣтила маскарадъ, данный въ домѣ графа Ивана Чернышева. Подозрѣвая въ немъ человѣка, способнаго примкнуть къ какому-либо заговору противъ нея, Екатерина, будто бы, прибыла на маскарадъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ (въ томъ числѣ и самого Пикте), у которыхъ подъ домино скрыто было оружіе.

26-го апрѣля (нов. стиля) 1776 г. великая княгиня скончалась, не разрѣшившись отъ бремени. По свѣдѣніямъ Корберона, при больной находилась лишь неопытная повивальная бабка, родомъ изъ Страсбурга, рекомендованная врачомъ великаго князя, Крузе, человѣкомъ тоже несвѣдущимъ въ медицину. Бабка, вмѣстѣ съ этимъ врачомъ, слишкомъ поздно призвала на помощь хирурга, нѣкоего Тоди; тотъ, осмотрѣвъ великую княгиню, высказался за извлеченіе плода щипцами, но на это дано было согласіе лишь на третій день. Тоди производилъ операцію нѣсколько часовъ—по словамъ однихъ четыре часа, по словамъ другихъ цѣлыхъ восемь часовъ, да и то не окончилъ ея. Измученную великую княгиню уложили снова въ постель и въ ту же ночь послали за хирургомъ Морд. Онъ пробылъ во дворцѣ шесть часовъ, но пациентка не выдалъ и высказалъ свое мнѣніе лишь на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были сообщены ему о положеніи больной. Послѣ этого, къ умиравшей приглашенъ былъ ея духовникъ, архіепископъ Платонъ, въ свое время крестившій ее въ православную вѣру и навсегда сохранившій ея расположеніе. Онъ пріобщилъ ее, причемъ она съ полною покорностью судьбѣ говорила о смерти. Затѣмъ она пожелала проститься со всѣми приближенными и съ твердостью выдержала трогательную сцену прощанія. Оставшись потомъ съ императрицей, она долго бесѣдовала съ нею, послѣ чего говорила особо съ великимъ княземъ, убѣждая его поскорѣе забыть о ней и вступить въ новый бракъ, необходимый для его царства и народа. Присутствовавшіе были глубоко потрясены всею этою сценой. Утромъ, въ день смерти великой княгини, гостившій въ то время въ Петербургѣ принцъ Георгій Прусскій прислалъ къ ней своего врача, но было уже поздно: сдѣлать кесарево сѣченіе было уже нельзя, такъ какъ началась гангрена.

Больная до самой смерти сохраняла присутствіе духа и разговаривала съ окружающими. За нѣсколько часовъ до кончины она неоднократно звала къ себѣ великаго князя, но его не пускали къ ней. «Она скончалась—записалъ Корберонъ—въ 4 часа 42 минуты, какъ сказалъ мнѣ графъ Андрей Разумовскій. Я былъ у него въ 6 часовъ; онъ только-что легъ въ постель. Лакей его сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ заснуть, но впустилъ меня. Разумовскій, какъ только увидѣлъ меня, залился слезами; я и самъ не могъ удержаться отъ слезъ, обнимая его ¹⁾. «О, что за ужасъ, что за ужасъ! воскликнулъ онъ. Вы не знаете, мой другъ, что мы теряемъ». Я постарался успокоить его и мы стали бесѣдовать. «Какую твердость и какую доброту она проявила! сказалъ мнѣ Разумовскій: она старалась всѣхъ утѣшить. Такъ какъ она говорила со всѣми и всегда милостиво отличала меня при своемъ дворѣ, то со мною заговорила послѣ всѣхъ. Чтобы утѣшить меня, она сказала мнѣ: Мы когда-нибудь увидимся: мы созданы для того, чтобы свидѣться вновь». Тутъ онъ опять заплакалъ».

Отчаяніе Разумовскаго не замедлило оживить ходившую въ высшемъ кругу сплетню, что въ лицѣ покойной великой княгини онъ оплакиваетъ женщину, имъ любимую.

Тѣло покойной подвергнуто было вскрытію, причемъ, по отзыву присутствовавшаго врача принца Генриха Прусскаго, найдено, что великая княгиня была беременна мальчикомъ. Что касается французскаго хирурга Морд, то онъ отъ участія во вскрытіи тѣла уклонился, не желая входить въ столкновеніе съ придворными врачами и хирургами, рѣшившимися, вопреки его собственному мнѣнію, что великая княгиня, по строенію своего таза, разрѣшиться не можетъ. Корберону онъ сказалъ, что мнѣніе свое онъ послалъ во Францію, а придворныхъ врачей и хирурговъ считаетъ ослами. По его мнѣнію, смерть великой княгини вполне могла быть предотвращена.

Смерть эта вызвала много толковъ въ простонародьѣ, высказывавшемъ по ея поводу различныя суевѣрныя догадки, а въ придворныхъ кругахъ дала обильную пищу пересудамъ относительно графа Андрея Разумовскаго. Корберону передавали, будто великій князь заподозрѣлъ почившую въ любви къ Разумовскому, о чемъ недѣли двѣ тому назадъ говорилъ князю Гагарину: «Надѣюсь, что это безуміе пройдетъ; подожду». Андрея Разумовскаго начали отстранять отъ великокняжескаго двора; видя это, двадцатичетырехлѣтній Разумовскій и самъ началъ подумывать о своемъ удаленіи. Въ первыхъ числахъ мая, дѣлая съ Корберономъ загородную прогулку въ экипажѣ, онъ разговорился съ нимъ о своемъ положеніи.

¹⁾ Корберонъ находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

— Вы знаете — сказалъ онъ — то, о чемъ теперь толкуеть весь городъ?

— Знаю, — отвѣчалъ Корберонъ, — но затрудняюсь вѣрить, чтобы великій князь могъ такъ быстро забыть васъ.

— Моя связь съ великимъ княземъ — продолжалъ Разумовскій — установилась издавна: мнѣ было тогда десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я побывалъ въ Страсбургѣ, гдѣ воспитывался, въ Англии и другихъ мѣстахъ, и, вернувшись, нашелъ въ немъ прежнее милостивое расположеніе ко мнѣ. Кончина великой княгини, о которой я скорблю и имѣю основаніе скорбѣть, потому что скорбь моя законна, измѣняетъ мое положеніе относительно великаго князя: минутою его печали и одиночества съумѣли воспользоваться, чтобы овладѣть имъ. Императрица и принцъ Генрихъ Прусскій не покидаютъ его. Въ тотъ день, когда я поѣхалъ въ Царское Село ¹⁾, я видѣлся съ нимъ поутру; онъ обнялъ меня, и я ушелъ, видя, что къ нему идетъ императрица. Затѣмъ мнѣ передали записку отъ ея императорскаго величества, и я вернулся въ городъ. Я покажу вамъ подъ строжайшимъ секретомъ письмо, которое я, по прибытіи въ городъ, написалъ къ великому князю. Салтыковъ отвѣтилъ мнѣ въ первый разъ, что у его высочества лихорадка и что поэтому онъ не можетъ отвѣчать на мое письмо, а во второй разъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о здоровьѣ великаго князя, не упомянувъ о томъ, что касалось меня. Я рѣшилъ предпринять путешествіе во Францію, Италію и особенно въ Англию; мнѣ надо освѣжить голову.

Толки объ опалѣ Андрея Разумовскаго все усиливались и осложнялись множествомъ подробностей; пронеслись слухи о предстоящей, будто-бы, высылкѣ его въ Ригу, о существованіи какой-то таинственной переписки между нимъ и испанскимъ посланникомъ Ласси, котораго Разумовскій якобы ссужалъ для чего-то деньгами и проч. Говорили также, будто истиннымъ виновникомъ постигшей Разумовскаго немилости былъ камердинеръ великаго князя Павла Петровича, французъ Дюфуръ, а именно передавали, будто вслѣдствіе вызванныхъ или подтвержденныхъ Дюфуромъ подозрѣній поручено было князю Куракину собрать оставшіяся послѣ великой княгини бумаги, причемъ въ шкапулкѣ покойной найдены были письма Андрея Разумовскаго. Словомъ, сплетня вступила во всѣ свои права. Корберонъ, конечно, стремился провѣрить доходяшіе до него слухи путемъ личнаго свиданія съ его пріятелемъ. Толки о высылкѣ его въ Ригу удивили Разумовскаго; онъ сказалъ, впрочемъ, Корберону, что молва не особенно ошиблась, такъ какъ онъ ѣдетъ въ Ревель, по повелѣнію императрицы, приказавшей

¹⁾ Куда, по смерти супруги, удалился Павелъ Петровичъ, вмѣстѣ съ императрицей.

ему чрезъ князя Голицына отправиться туда, черезъ сутки послѣ погребенія великой княгини.

— Меня успокаивали—прибавилъ онъ—относительно послѣдствій этой высылки, и я въ самомъ дѣлѣ успокоился бы, еслибы не зналъ здѣшнихъ порядковъ. Я просилъ, однако, разрѣшенія уѣхать въ Украйну къ отцу, а потомъ отправиться за-границу.

По этому поводу Корберонъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Здѣсь всякаго, кто впадетъ въ немилость, тревожитъ мысль о переселеніи въ Сибирь, и Разумовскій сказалъ мнѣ среди разговора, что еслибы онъ подозрѣвалъ что - либо дурное для себя, то принялъ бы мѣры къ тому, чтобы бѣжать изъ Ревеля на кораблѣ. На разспросы Корберона о сношеніяхъ съ испанскимъ посланникомъ Разумовскій отвѣтилъ смѣхомъ. Затѣмъ, продолжая разговоръ, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ, причѣмъ показалъ своему собесѣднику тетрадь, писанную по-французски рукою почившей великой княгини. На тетради стояла надпись: «Начата 11 мая 1775 г.»; въ ней записаны были, специально для Андрея Разумовскаго, мысли Сенеки. Кромѣ того, онъ показалъ ему свое письмо къ великому князю Павлу Петровичу, составленное, по отзыву Корберона, въ благородномъ, твердомъ и скорѣе дружественномъ, чѣмъ искательномъ тонѣ. Въ письмѣ этомъ онъ излагалъ, что ему неизвѣстно, по повелѣнію ли великаго князя или безъ его вѣдома его удаляютъ отъ него. Далѣе онъ упоминалъ вкратцѣ о годахъ, проведенныхъ при его высочествѣ, и о своей преданности великой княгинѣ, а въ заключеніе говорилъ, что не хочетъ унижаться до разслѣдованія о причинахъ и тайныхъ виновникахъ постигшей его немилости. Отвѣта на это письмо не послѣдовало; быть можетъ, оно даже не было передано Салтыковымъ великому князю».

IV.

Погребеніе тѣла великой княгини въ Александро-Невской лаврѣ состоялось 7-го мая (нов. ст.) 1776 г.; служба длилась два часа, послѣ чего архіепископъ Платонъ сказалъ надгробное слово, вызвавшее, по словамъ Корберона, у однихъ искреннія, у другихъ фальшивыя слезы.

Во время погребальной церемоніи около императрицы стоялъ съ бравымъ видомъ князь Орловъ. «Графъ Иванъ Чернышевъ, этотъ завзятый царедворецъ—записалъ Корберонъ—отвѣсилъ ему три низкихъ поклона, а Потемкину, который, говорятъ, вскорѣ удалится, поклонился лишь слегка».

Около этого времени число источниковъ, изъ которыхъ Корберонъ

по преимуществу черпалъ свои свѣдѣнія по части скандальной хроники Петербурга, увеличилось: онъ нашелъ новаго усерднаго рассказчика, въ лицѣ берейтора (écuyer) при дворѣ великаго князя, француза Лормуа.

Послѣ смерти великой княгини, персоналъ великокняжескаго придворнаго штата подвергся большимъ перемѣнамъ, причемъ въ числѣ уволенныхъ отъ службы оказался и Лормуа. Раздосадованный какъ отставкою, такъ и тѣмъ, что ему не додано было тысячи полторы изъ слѣдовавшаго ему содержания, Лормуа съ величайшимъ озлобленіемъ описывалъ Корберону господствовавшіе при великокняжескомъ дворѣ порядки и отзывался съ полнымъ неодобреніемъ о самомъ Павлѣ Петровичѣ. По его словамъ, великій князь отличался крайне неустойчивымъ характеромъ, былъ грубъ и жестокъ отъ природы, а если иногда и проявлялъ доброту, то лишь вслѣдствіе чувства боязни. Пребываніе при дворѣ великаго князя, повидимому, дало Лормуа возможность проникнуть кое-какія придворныя тайны, для гласнаго историческаго разслѣдованія которыхъ еще и теперь не наступило время. Корберонъ же вносилъ всѣ рассказы своего собесѣдника въ дневникъ въ видѣ фактовъ, хотя самъ же находилъ, что Лормуа «немного болтливъ». Между прочимъ, Лормуа утверждалъ, что графъ Андрей Разумовскій былъ въ большомъ заблужденіи, полагая, будто Павелъ Петровичъ питалъ къ нему въ прежнее время особенное расположеніе. Нѣсколько времени спустя послѣ своей отставки, Лормуа уѣхалъ во Францію, такъ и не получивъ недоданнаго ему содержанія. Съ этимъ беззѣнительно сопоставить отзывъ Корберона объ отсутствіи вообще справедливости въ денежныхъ расчетахъ среди тогдашняго петербургскаго общества. Въ подтвержденіе своего мнѣнія о свойственномъ русскимъ людямъ вѣроломствѣ, онъ ссылается на слѣдующіе случаи, о которыхъ онъ слышалъ. Одинъ изъ графовъ Салтыковыхъ былъ долженъ купцу-французу Демаре. Когда тотъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ объ уплатѣ, явился къ нему съ категорическимъ требованіемъ расчета, Салтыковъ наотрѣзъ отрекся отъ своего долга и пригрозилъ ему вышвырнуть его вонъ. «Стыдитесь, князь—сказалъ на это возмущенный французъ—такъ ли слѣдуетъ платить свои долги лицу изъ рода Салтыковыхъ?» Тогда Салтыковъ приказалъ своей прислугѣ побить Демаре, который и былъ избитъ такъ сильно, что слегъ въ постель. Другой Салтыковъ, Сергѣй, пользовавшійся милостью Екатерины въ бытность ея великою княгиней, тоже былъ долженъ тысячу рублей московскому купцу Годѣну. Взамѣнъ уплаты, онъ предложилъ ему вексель на 10.000 руб. нѣкоей г-жи Грибоѣдовой, съ условіемъ, чтобы Годѣнъ далъ ему за то 6.000 руб. товарами. Годѣнъ принялъ вексель, но предложилъ за него ювелирныхъ вещей на четыре тысячи, а остальные двѣ тысячи деньгами. Сдѣлка состоялась, а мѣсяца черезъ два послѣ того московскій полицеймейстеръ Архаровъ

вызвалъ Годэна къ себѣ, допросилъ по этому дѣлу и, безъ дальнихъ разговоровъ, посадилъ его подъ арестъ, заковавъ въ кандалы. Для освобожденія пострадавшаго потребовалось вмѣшательство французскаго посла, маркиза Жюинье.

Вообще, тогдашніе нравы русскаго высшаго общества поражали Корберона многими своими сторонами. «Русскіе—отмѣтилъ онъ, въ видѣ общаго замѣчанія—внутри сущіе мужики; правда, внѣшностью своей они заняты и снаружи стараются казаться поларованными, но въ своей сущности они все одни и тѣ же: природа беретъ въ нихъ свое; когда сдѣланное ими надъ собою усиліе прекращается, маска спадаетъ, и остается налицо подлинный человѣкъ, а герой исчезаетъ». Нѣсколько ранѣе этого суроваго приговора въ дневникѣ встрѣчается слѣдующая замѣтка: «Чѣмъ болѣе я знакоплюсь съ этою націей, тѣмъ болѣе труднымъ становится для меня подыскать ей опредѣленіе. Она составляетъ смѣшеніе людей, крайне дурно подобранныхъ одинъ къ другому; среди нихъ не находишь градаціи оттѣнковъ и невозможно уловить хода ихъ мыслей, принциповъ, системъ. На первый взглядъ вы видите, съ одной стороны, народъ варваровъ, съ другою—просвѣщенную, образованную знать съ утонченными и привлекательными манерами; присмотрѣвшись же поближе, вы замѣчаете, что эта знать, въ сущности, состоитъ изъ тѣхъ же варваровъ, но хорошо одѣтыхъ, украшенныхъ орденами и отличающихся отъ грубой части націи лишь внѣшностью. Конечно, я исключаю нѣсколько счастливо уродившихся лицъ, которыя выходятъ изъ общаго правила, благодаря сношеніямъ съ иностранцами или вслѣдствіе другихъ причинъ». Господствовавшее въ высшихъ кругахъ искательство и лезть слабымъ передъ сильными Корберонъ подтверждаетъ указаніемъ на нѣсколько примѣровъ различныхъ карьеристовъ, вышедшихъ въ люди исключительно благодаря раболѣпству передъ высокими лицами. Между прочими, онъ упоминаетъ о г-жѣ Лафонъ, изъ дочери петербургскаго виноторговца сдѣлавшейся директрисою Смольнаго института, несмотря на то, что она была совершенно необразованна и отличалась сомнительною нравственностью. Карьеру свою, давшую ей возможность обогатиться на счетъ институтскихъ суммъ, она сдѣлала благодаря умѣнію подольститься къ Бецкому. При помощи протекціи, но со стороны Алексѣя Орлова, вышелъ въ люди и итальянецъ Рибасъ (Иосифъ Бужонтъ), ставшій директоромъ кадетскаго корпуса, а впослѣдствіи дослужившійся до адмиральскаго чина. Человѣкъ ловкій, онъ нашелъ случай заручиться также и покровительствомъ Бецкаго, женившись на его побочной дочери Анастасіи Соколовой, служившей камеристкою при императрицѣ Екатеринѣ. По случаю этого бракосочетанія, императрица пожаловала Рибасу 10.000 р., а женѣ его 15.000 р., да Бецкій подарилъ новобрачной тысячу сорокъ, домъ и т. д. «Рибасъ—

пишетъ Корберонъ—пріѣхаль въ Россію безъ гроша въ карманѣ; но при гибкой спинѣ можно достигнуть въ этой странѣ весьма многого».

Въ смыслѣ характеристики придворныхъ нравовъ, не лишены интереса отмѣтки Корберона о взаимныхъ отношеніяхъ между тогдашними временщиками. Въ силу вещей, людямъ этимъ, при всей горечи чувствъ, которыя они должны были питать другъ къ другу, приходилось поддерживать вѣжливыя по внѣшности отношенія между собою. Въ мартѣ 1776 г. у Корберона сдѣлана слѣдующая запись: «На спектаклѣ у великаго князя, гдѣ была и императрица, я съ удовольствіемъ увидѣлъ Орлова съ Потемкинымъ вмѣстѣ; положеніе это показалось мнѣ пикантнымъ для наблюдателей, и я замѣтилъ, что нынѣшній фаворитъ держалъ себя съ меньшею увѣренностью, чѣмъ бывшій».

V.

25-го іюня (нов. ст.) 1776 г. Корберонъ отмѣтилъ состоявшійся наканунѣ отъѣздъ великаго князя Павла Петровича въ Берлинъ. По его словамъ, великій князь поѣхалъ въ коляскѣ, вдвоемъ съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ, съ однимъ только лакеемъ назади, «на прусскій манеръ». Кортѣжъ его составляли Румянцовъ, Куракинъ, гофмейстеръ Салтыковъ, Нарышкинъ, псковскій губернаторъ, тецъ великаго князя Николая, хирургъ Беккеръ, камердинеръ Дюфуръ и нѣк. др. На слѣдующій день выѣхалъ слѣдомъ принцъ Генрихъ Прусскій, осыпанный подарками императрицы, которые молва оцѣнивала въ 60.000 руб. По возвращеніи же великаго князя (въ августѣ нов. ст.) изъ этой поѣздки, Корберонъ записалъ возникшіе по этому поводу толки. «Великій князь остался очень доволенъ Берлиномъ, гдѣ, однако, вовсе недоволенъ его малою щедростью. Говорятъ, что смотрителю лѣтняго дворца принца Генриха, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней, онъ подарилъ 40 червонцевъ. Это вполнѣ порядочный человѣкъ, а великій князь поступилъ съ нимъ, какъ съ лакеемъ, заплативъ ему такъ мало. Стражѣ великаго князя не было дано ничего и т. д. Не понимаю, какъ допустила это императрица, которая сама такъ любитъ щегольнуть щедростью и величіемъ».

12-го сентября (нов. ст.) Корберонъ отмѣчаетъ слухи, распространившіеся по поводу состоявшагося наканунѣ прибытія въ Царское Село невѣсты Павла Петровича, принцессы Софіи-Доротеи Виртембергской (впослѣдствіи великой княгини Маріи Ѳеодоровны). Рассказывали, будто принцесса, вошедши къ императрицѣ, упала ей въ ноги, послѣ

чего тотчасъ же были заперты двери, чтобы скрыть дальнѣйшее отъ постороннихъ зрителей. Императрица, казалось, была очень довольна поступкомъ принцессы. Общiе отзывы о будущей великой княгинѣ были очень благопрiятны; ее признавали любезною, предупредительною и очень милою въ обращенiи. Всѣхъ представлявшихся ей она принимала въ высшей степени ласково и со всѣми разговаривала, причемъ оказалось, что она уже знаетъ нѣсколько русскихъ словъ. Черезъ недѣлю состоялось представленiе принцессѣ дипломатическаго корпуса, и тутъ Корберонъ впервые увидѣлъ ее. Онъ нашелъ, что она не отличается красотою, но держитъ себя просто и естественно, чѣмъ располагаетъ къ себѣ. Что касается великаго князя Павла Петровича, то онъ произвелъ на французскаго дипломата въ этотъ день непрiятное впечатлѣнiе. «Имъ—пишетъ Корберонъ—всѣ, кажется, недовольны. Его поѣздка въ Берлинъ, если судить по наружному виду, съ которымъ онъ вернулся оттуда, придала ему еще болѣе самодовольства, чѣмъ сколько было въ немъ до отъѣзда. Всѣ эти черты выступили въ немъ послѣ поѣздки въ Пруссiю съ большею, чѣмъ прежде, рѣзкостью».

Спустя нѣсколько дней, Корберонъ, вмѣстѣ съ маркизомъ Жюинье, присутствовалъ въ дворцовой церкви при обращенiи принцессы Виртембергской въ православiе. «Въ половинѣ одиннадцатаго—записалъ онъ—въ церковь прошла императрица, въ сопровожденiи великаго князя, шедшаго подъ-руку съ принцессою. Она была въ бѣломъ платьѣ. Лицо ея было печально и, за отсутствiемъ румянъ, казалось очень блѣднымъ. Мы вошли въ церковь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ и, такъ какъ народа было множество, то я не могъ видѣть церемонiи, которая прошла вполне хорошо. Принцесса прочла по-русски Символь вѣры и, говорятъ, хорошо произносила слова. Императрица показала ей, какъ принято поклоняться иконамъ, для чего сама нѣсколько разъ становилась передъ ними на колѣни».

Р.

(О кончанiе слѣдуетъ).

